

*А. М. Воробьев**

ДУХОВНАЯ ЦЕНзуРА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРАВОСЛАВИИ КАК НАДЫСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1810–1830-е гг.

Аннотация: Статья посвящена роли духовной цензуры в идеологической борьбе 1810–1830-х гг. На материале истории духовной цензуры автор показывает, как формировались представления о православии как надысторическом явлении русской культуры.

Ключевые слова: духовная цензура; А. Н. Голицын; А. С. Шишков; Филарет (Дроздов).

Патриотический подъем в России после войны 1812 г. активизировал процесс артикуляции понятия «нация». Однако непосредственно после изгнания Наполеона из России в качестве официальной идеологии на смену национально-патриотическим идеям приходит идеология общеевропейского мира и христианского универсализма [3, с. 265], тесно связанная с мистическими идеями. Возглавивший в 1816 г. Министерство просвещения и духовных дел А. Н. Голицын делал ставку на межконфессиональные структуры миссионерско-просветительского характера: Российское Библейское общество и Департамент духовных дел, — где православная церковь выступает наравне с неправославными конфессиями. Таким образом, положение православия как господствующей религии начинает размываться. Эта политика ориентировалась на интеграцию сторонников различных (прежде всего христианских) вероучений, населявших Российскую империю, и была направлена на ослабление религиозного фактора при выстраивании социальной идентичности. А. Н. Голицын осознавал религиозную сегрегацию как почву для конфликтов, поэтому стремился проводить политику религиозной интеграции, по крайней мере в определенных сферах.

В этой ситуации представляется интересным посмотреть на роль духовной цензуры.

Созданный еще в 1799 г. Московский комитет духовной цензуры (МДЦ) подчинялся непосредственно Синоду. Заняв пост министра в объединенном Министерстве просвещения и духовных дел, Голицын не раз поднимал вопрос о расформировании МДЦ и о передаче его функций академическим цензурным комитетам (Духовные академии были выведены из прямого подчинения Синода еще в 1808 г.). Однако мо-

**Воробьев Андрей Михайлович*, Уральский федеральный университет, Екатеринбург.

E-mail: andrej.vorobev2012@yandex.ru

сковский комитет не только продолжал существовать, но и, в отличие от академических комитетов, не был ограничен определенной территорией и имел общероссийский характер. В сложившейся ситуации МДЦ позволял церкви сохранять определенную автономию в области просвещения.

В этот период преследованию со стороны А. Н. Голицына часто подвергались православные сочинения полемического или апологетического характера, пропущенные духовной цензурой, т. к. они позволяли четче маркировать границы различных вероучений. При том большой поток переводов мистической литературы проходил мимо МДЦ. Более того, не желая связываться с Голицыным, комитет МДЦ нередко просто отказывался брать на проверку подобные сочинения, и они имели визы светской цензуры.

На фоне патристического подъема деятельность Голицына не могла не вызвать негативную реакцию в определенных кругах. Данная группа получила название «православная партия» в противовес сторонникам официальной политики «общехристианского государства». Однако поскольку формально православные обряды соблюдали и сторонники мистицизма (в т. ч. сам Голицын), то основным критерием стало отношение к церковнославянскому языку.

После отстранения Александра Николаевича от управления министерством «православная партия» переходит от защиты к наступлению. Сворачиваются многие инициативы Голицына, в частности приостанавливается деятельность Библейского общества. Выходит ряд сочинений, запрещенных ранее. Останавливается перевод Библии на русский язык, а уже изданные переводы Нового Завета изымаются.

Главным противником перевода Библии на русский язык выступал идеолог «православной партии» А. С. Шишков. В письме 1824 г. к А. А. Аракчееву он пишет: «Если церковные книги для того, чтоб уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться ... на простонародный язык, каким говорим мы между собою и на театре, ... то я министром просвещения быть не могу» [8, с. 184]. А. С. Шишков не просто подчеркивает сакральный статус языка, он ставит знак равенства между церковнославянским языком и языком «высокого штиля». Таким образом, разница между русским и церковнославянским языками оказывается в сферах употребления [9, с. 55–56], и Шишков настаивает на том, что церковнославянский язык понятен любому, кто регулярно бывает в церкви.

Однако спор о переводе Библии является лишь частным случаем вопроса о необходимости развития религиозной мысли вообще. В церковных кругах находилось немало сторонников идеи достаточности

уже написанных и проверенных веками текстов. Так как православные истины неизменны, то и потребность в новом их освещении отсутствует. Само понимание церкви как надвременного феномена существовало и раньше, однако в новых условиях, когда формируется представление о неизбежности исторических процессов, и у многих авторов фигурируют идеи, что каждому этапу развития цивилизации соответствует своя религия, необходимо было заново утвердить концепцию «вечной Церкви».

Показателен спор, возникший однажды за обедом у митрополита Серафима (Глаголевского), на котором речь зашла о недопустимости преподавателям использовать самостоятельно разработанные лекции, а не опираться на «классиков». Аргумент «ежели сказать, чтобы никто не писал, то мы никогда не будем иметь лучших книг классических» наталкивается на явное недоверие собравшихся [4, с. 153]. Об этом же пишет у себя в дневнике церковный историк А. В. Горский в 1836 г.: «Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете, — все это покажется ересью» [5, с. 70].

Другой важной областью, помимо языка, оказывается история. Как отметил Ф. Шенк, Н. М. Карамзин при написании «Истории государства Российского» ставит целью создание «Священного писания» русского народа» [7, с. 177]. Н. М. Карамзин отождествляет понятия «Русь», «Россия» и «Российское государство», используя определения «мы», «народ российский» на всем протяжении своего повествования [7, с. 179–180]. Это служит для выстраивания концепции «мы-группы» как вневременного национально-исторического сообщества [7, с. 189]. Описывая Россию с точки зрения диахронической идентичности, Николай Михайлович подчеркивает роль государства. Власть государя выступает в качестве стержня, формирующего нацию. Стоит отметить, что среди тех, кому адресовалось это сочинение, было немало аристократов, являвшихся потомками непосредственных участников исторических событий.

Стремление игнорировать процесс выработки тех или иных идей, преподнося основные принципы церковного устройства как существующие неизменно, стало важным моментом деятельности духовной цензуры. В частности, когда архиепископ Евгений (Болховитинов), еще в период министерства А. Н. Голицына, поднял вопрос о публикации «Устава о скитской жизни» Нила Сорского, духовная цензура ответила отказом [2, с. 199]. Такой подход можно встретить и в последующие годы. Показателен случай с отрывком о крестном знамении из сочинения «Богослужение Русской Церкви до монгольского времени» епископа Филарета (Гумилевского). Данное сочинение было опу-

бликовано в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» и вызвало резкое неодобрение митрополита Филарета (Дроздова). П. С. Казанский в письме к историку М. П. Погодину высказывает опасения: «Крепилось бы Общество, чтобы его не подчинили гибельной цензуре духовной» [1, с. 157]. Сам Филарет (Дроздов), объясняя свою реакцию, не ставит под сомнение верность исследования, но высказывает недовольство тем, что оно подтверждает двоеперстие как исторически более раннюю форму [Там же]. Архимандрит Феодор (Бухарев) так объясняет цензурные вмешательства митрополита Филарета (Дроздова) в сочинение А. В. Горского, посвященное истории Троицко-Сергиевой лавры: «Он (Филарет — А. В.) разумеет человека *святого* так, что *живого* человека уже не замечает» [6, с. 465–466]. То есть категории «вечного», «вневременного» для него оказываются важнее, чем конкретно-историческое.

Таким образом, попытка А. Н. Голицына проводить политику частичной религиозной интеграции наткнулась на противодействие со стороны патриотических кругов, для которых православие и прежде всего язык православной церкви служили консолидирующей идеей. Сформировавшееся в рамках этой полемики представление о надъсторическом характере языка богослужения распространяется и на историю самой Православной церкви. Таким образом, выстраивается историческая идентичность православной церкви как церкви русского народа и российского государства. При этом нерусские и не православные отодвигались на периферию общественно-политической жизни. Проводником этой концепции выступает духовная цензура. Данные идеи не были артикулированы. Они скорее присутствовали в поле восприятия как нечто ощущаемое, но не заявляемое открыто. Поэтому именно цензура становится механизмом их реализации.

Литература

1. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 кн. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — Т. 9.
2. *Гаврюшин Н. К.* Черты исторической школы в духовных академиях // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. — М., 2012. — С. 193–218.
3. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 416 с.
4. *Котович А. Н.* Духовная цензура в России (1799–1855). — СПб. : Родник, 1909. — 632 с.

5. *Мельков А. С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского. — М. : Пашков дом, 2006. — 216 с.

6. *Арх. Феодор.* Письма архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) к А. А. Лебедеву // Богословский вестник. — 1915. — № 10. — С. 413–544.

7. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти : Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). — М. : Новое литературное обозрение, 2007. — 589 с.

8. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова в 2 т. — Берлин : Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. — Т. 2.

9. *Шишков А. С.* Рассуждение о красноречии Священного писания // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. — СПб. : Тип. Императорской Российской академии, 1825. — Ч. IV. — С. 22–107.

Vorobev Andrej Michailovich

Ural Federal University, Yekaterinburg

ECCLESIASTICAL CENSORSHIP AND CONCEPT OF ORTHODOXY AS THE EPIHISTORICAL PHENOMENON IN THE RUSSIAN CULTURE IN 1810–1830

Abstract: This paper discusses the importance of ecclesiastical censorship in ideological strives in 1810-1830. The construction of concept of orthodoxy as epihistorical phenomenon of the Russian culture is studied by the author as exemplified in the history of ecclesiastical censorship.

Keywords: ecclesiastical censorship; Alexander Golitsyn; Alexander Shishkov; Philaret (Drozdov).

Е. Ю. Вострецов*

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕТРОСПЕКЦИЯ?*

Аннотация: В данной статье мы собираемся рассмотреть работу механизма воспоминания, реактуализации феномена, находящегося в культурной памяти, в контексте исторической ответственности. Мы

***Вострецов Евгений Юрьевич,** Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург.

E-mail: horusheresy@mail.ru

****** Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-5814.2015.6) «Феномен исторической ответственности в современном обществе».